

Алиев Ф.Б., член
Международной организации правовых исследований
доктор философии права

Неоевразийство: проблемы и тенденции

Аннотация: Рассматривается понятие евразийства, причины и обусловленность возрождения, суть и виды неоевразийства.

Анализируются существующие концепции неоевразийства.

Ключевые слова: евразийство, неоевразийство, факторы, возрождение, проблемы, тенденции

Своеобразное «возрождение» евразийства в эпоху крушения биполярного мироустройства или, если угодно, рождение неоевразийства на рубеже двух веков было детерминировано естественным ходом развития процессов в советском обществе 80-х - начала 90-х годов.

Следует отметить, что по сей день не существует однозначной оценки событий тех лет. Ряд исследователей считает, что развал державы был обусловлен ходом развития, а точнее, стагнации самой системы, которая по своей сущности со временем была обречена на распад, поскольку отсутствовали механизмы соответствующей трансформации на определенных временных участках и с учетом меняющихся объективных условий. Другие же полагают, что процесс развала проходил на основании специального плана, заранее разработанного геополитическими противниками и проведенного в жизнь как посредством экстерналичного, так и интерналичного воздействия (существует версия, что большую роль в развале «красной империи» сыграла тщательно разработанная стратегия ведения информационно-психологической войны, проводившаяся посредством так называемых «агентов влияния», пятой колонны и прочих «дестабилизирующих» элементов внутри страны).

В преддверии рассмотрения неоевразийства, на наш взгляд, является целесообразным хотя бы вкратце коснуться различных точек зрения по данному вопросу.

В современной историографии бытует мнение и, можно сказать, общепризнанным является подход, согласно которому в советском государстве уже в течение приблизительно последних полутора десятилетий его существования помимо всего прочего имели место, в том числе, и следующие процессы:

- 1) постепенно нарастающая экономическая стагнация и вытекающее отсюда снижение уровня жизни населения,
- 2) технологическое отставание от западных стран, приведшее, в частности, к поражению в гонке вооружений, которая стала подлинным олицетворением эпохи «холодной войны»
- 3) идеологическая «деградация» большевистского марксизма.

Помимо этого выделяются следующие факторы:

- 1) «экстенсивная» внешнеполитическая стратегия (провал в Афганистане, «бремя» содержания «братских» коммунистических партий в самых разных странах, начиная от восточноевропейских и заканчивая африканскими и латиноамериканскими; не следует также сбрасывать со счетов поддержку различных «народно-освободительных» движений и пр.);
- 2) аморфность высшего советского руководства, оказавшегося неспособным учитывать меняющиеся объективные реалии в условиях общего системного кризиса.

В контексте перечисленного выше, тем не менее, следует отметить, отдавая дань истине, что существуют и альтернативные точки зрения, в частности, на действительное состояние дел в технологической и хозяйственно-экономической сферах в СССР в течение указанного периода. В свете упомянутой в начале настоящего параграфа версии о, так называемой, «информационно-психологической» войне, которая велась, по мнению ряда исследователей, против советского государства и общества, поражение которых в указанной войне и явилось в конечном итоге причиной развала евразийской

империи, можно, в качестве примера альтернативных взглядов, привести исследования С. Кара-Мурзы, который на основании достаточно детального анализа процессов, происходивших в самых различных сферах советского государства накануне его развала, а также на основании многочисленных соответствующих примеров, заключает, что «огромная идеологическая программа по внушению обществу стереотипного убеждения в том, что советское хозяйство было неэффективным и неконкурентоспособным, основана на большом подлоге и искажении смысла слов и понятий»¹.

Далее, с учетом того, что: (1) идеология представляет собой главное средство «господства и социальной власти в современном мире»², а (2) язык идеологии был создан как «замена религии в атеистическом обществе промышленной цивилизации»³, и, рассматривая евразийство в качестве цельной идеологической конструкции, мы, оставив в стороне прочие факторы (что никоим образом не умаляет их чрезвычайной важности для комплексного понимания процессов тех лет), вкратце остановимся на идеологическом кризисе и пертурбациях в сознании советского общества накануне развала Советского Союза, способствовавших рождению неоевразийства. Указанный процесс мы попытаемся проанализировать как реактивный эффект на крах идеологии «советского марксизма». Для этого нам придется начать несколько издалека, коснувшись, в том числе, отдельных социологических аспектов.

Известен тезис о том, что в историческом разуме каждое учение и каждая теория занимают свое собственное особое место и являются частью всеобщей истины, выполняя свою определенную временем историческую роль. То есть, «канонизация» или «консервация» той или иной теории, сыгравшей на определенном этапе исторического развития решающую роль, могут иметь негативные последствия. Сказанное относится к «канонизации» в Советском Союзе большевистской интерпретации марксизма, которая, начиная приблизительно со второй половины 70-х годов, находилась на стадии постепенного «самоисчерпания». Указанный процесс уже к середине 80-х –

¹ Кара-Мурза С. Г. Идеология и мать ее наука. М.: Алгоритм, 2002 г., с. 247

² Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000 г., с. 26

³ Там же.

началу 90-х годов привел к практически полной «деградации» идеологической конструкции, в результате чего общество начало терять ориентацию, что, в свою очередь, способствовало росту чувства необходимости перемен. Однако, как показали последующие события, ни общество, ни тогдашнее руководство страны, не имели четких представлений относительно специфики подобных перемен, того, какими должны быть реформы и в какой сфере они подлежат проведению.

По мнению авторов издания «Основы евразийства», именно к середине восьмидесятых годов советское общество стало утрачивать связность и адекватность рефлексии и саморефлексии, а «модели советского самосознания рушились»⁴, то есть, другими словами, появление на исторической арене альтернативной идеологической системы было обусловлено, в том числе, указанными выше факторами.

В свете настоящего рассмотрения также следует принять во внимание, что общественное сознание, как известно, имеет тенденцию к изменению согласно «принципу маятника», то есть, по своеобразной схеме «теза – антитеза». Это говорит о том, что сама жестко-централизованная и порою гипертрофированно упорядоченная советская система неминуемо предуготовляла в сознании общества почву для последующего «рывка» в противоположную сторону к хаосу. Иными словами, в советском обществе, начиная в особенности с начала 80-х годов (после десятилетий существования в условиях жестко-централизованного государственного управления), подспудно назревал «переход» к «антитезе» тоталитарной системы – крайней форме либерал-демократии (неудивительно, что такие символы западного общества как демократия, свобода слова, рыночные отношения и прочее стали пониматься в крайне уродливой и гипертрофированной форме как беспредел, бесконтрольность и беззаконие на всех уровнях общественно-политической жизни). В отличие от стран, в которых стихийность подобного процесса, как правило, сглаживается, к примеру, наличием отлажено функционирующей

⁴ Основы евразийства, М.: Арктогея-Центр, 2002 г., с. 85

двухпартийной системы, в советском государстве не был разработан соответствующий механизм эволюционной трансформации.

Как отмечал П. Чаадаев, чрезвычайно важно «правильно понимать развитие мысли в смене поколений»⁵, а как пишет Х. Ортега-и-Гассет, «изменения жизненного мироощущения, являющиеся решающими в истории, предстают в форме поколений»⁶.

Поэтому необходимо остановиться еще на одном, на наш взгляд, важном моменте, также связанном с изменениями общественного сознания и мировосприятия у различных поколений, а именно на разнице, указанной упомянутым выше Х. Ортега-и-Гассетом, между чисто «историческим» прошлым, «скрывшимся за горизонтом», и относительным прошлым, в какой-то степени являющимся настоящим. Относительным является такое прошлое, с которым у нынешнего поколения имеется своего рода «осязаемый» контакт. Как отмечают В. А. Лисичкин и Л. А. Шелепин, «для общества временной лаг, отделяющий «историческое» прошлое от относительного (которое можно определить как современный период или настоящее в расширенном смысле слова) составляет примерно 40 лет. Это период, доступный непосредственному восприятию общества в целом, за который человек, вышедший из школьного возраста, вступает в пенсионный. То, что лежит за его пределами, уходит за горизонт»⁷, то есть по истечении этого периода времени возрастает вероятность абберации в анализе и трактовке тех или иных событий прошлого, поскольку в связи с активностью новых поколений происходят неизбежные изменения в общественном сознании и в отношении общества к тем или иным феноменам объективной реальности. По мнению указанных авторов, данные факторы следует учитывать в первую очередь при анализе метаморфоз общественного сознания. Как пишет Г. Ле Бон, «истинная причина великих потрясений <...> есть кардинальное обновление образа мыслей... Все сколько-нибудь

⁵ Чаадаев П. Философические письма. Классика геополитики. XIX век, М.: Аст, 2003 г. с. 24

⁶ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991 г., с. 5

⁷ Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Третья мировая (информационно-психологическая) война, М., 1999 г., с. 27

значительные исторические события – видимые результаты невидимых сдвигов в человеческом мышлении...»⁸.

Мы можем констатировать, что именно во второй половине 70-х, а особенно в 80-х годах, то есть, в период постепенного «ухода» с исторической сцены «революционного» поколения, а также поколения эпохи Великой Отечественной войны, в советском обществе начался необратимый процесс «брожения» в сознании общества, что неминуемо должно было привести либо к соответствующей трансформации системы, либо же к ее полному фиаско. Как отмечалось выше, классическая марксистско-большевистская символика необратимо утрачивала свою привлекательность в глазах новых поколений, что, соответственно, сказывалось и на постепенных метаморфозах стереотипов поведения и мировосприятия новых поколений.

Указанные выше факторы требовали на тот момент соответствующих шагов и конкретного выбора в рамках четко выраженной дилеммы:

- (1) реформирование системы,
- (2) развал государства.

Как показала история, тогдашнее руководство страны оказалось неспособным (или не пожелало) реформировать систему.

В пределах распадающейся империи началось искусственное разделение на «силы прогресса» и «силы реакции», на «реформаторов» и «защитников старого», когда одна часть советского руководства говорила о системном кризисе, другая же утверждала о неуместности подобных заявлений, то есть, на лицо был «коллапс» в высших эшелонах власти. Тем не менее, отдавая дань истине, следует отметить, что так называемая «антиреформаторская» часть руководства страны (и общества в целом) на тот момент практически полностью утратила «связную мировоззренческую систему (на основе марксизма и советизма) и, действительно, противилась «реформам», скорее, по инерции, чем по убеждению»⁹.

⁸ Gustave Le Bon. The Crowd. New York: The Viking Press, 1960, p. 13

⁹ Основы евразийства, М.: Арктогея-Центр, 2002 г., с. 85

С учетом изложенного выше, явствует, что на тот момент созрели все предпосылки, дабы любые необходимые политические, социальные, культурные и экономические преобразования стали пониматься в обществе и в руководстве страны как преобразования, которые следует осуществлять в рамках «антитезы» советской системы, то есть, на примере соответствующей западной парадигматики. Таким образом, «реформаторами» естественным образом стали апологеты западной модели развития, которая стала преподноситься в качестве универсальной «панацеи».

Однако, как показали последующие события, проведение «реформ» еще более усугубило ситуацию в стране, в результате чего неадекватность простой реакции становилась все более очевидной. Естественным образом в сложившихся условиях уже в период 1989-90 годов в России начался процесс формирования «национально-патриотической оппозиции», искавшей альтернативу надвигающемуся хаосу. По своему составу указанная «оппозиция» была весьма разнородной и включала сторонников самых разных, казалось бы, взглядов, в том числе часть «советских консерваторов» <...>, ряд «реформаторов», разочаровавшихся в «реформах» или «осознавших их антигосударственную направленность», ряд представителей патриотического движения, сформировавшегося уже в перестройку и пытающегося оформить державные эмоции в некоммунистическом контексте (православно-монархическом, националистическом и т.д.)»¹⁰.

Таким образом, уже в первые годы после развала СССР, как отмечает М. Ларюэль, евразийство «привлекло внимание некоторых интеллектуалов и политиков – как способ осмыслить катастрофу и по-новому обосновать пространственную преемственность государства»¹¹. По мнению же авторов издания «О Евразии и евразийцах», стремительно возросший на определенном историческом рубеже интерес к идеологии евразийства обусловлен следующими факторами: «во-первых, рухнувшая идеологическая плотина

¹⁰ Там же, с. 87

¹¹ Ларюэль М. Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология. Вестник Евразии, №1, 2000 г.

открыла русло для мощного потока исследований о русской эмиграции»¹², то есть, началось возвращение ее духовного наследия. «Во-вторых, коллапс коммунистической идеологии, на протяжении многих десятилетий служившей основой мировосприятия советского народа, породил необходимость поиска нового основания для самоидентификации, наконец, развал Советского Союза, межнациональные конфликты, вспыхнувшие на его территории, остро поставили проблему выработки новой геополитической концепции, способной интегрировать вновь образовавшиеся независимые государства и приемлемой для них»¹³.

Таким образом, обобщая указанное выше, мы можем заключить, что:

- 1) идеологический крах «советского марксизма»,
- 2) стагнация, в которую со второй половины 80-х годов все больше входила советская система,
- 3) увеличивающееся отставание в технологической гонке с Западом и в первую очередь с США,
- 4) непродуманная политика советской геронтократии и ее неспособность трансформировать систему,

вкуче с прочими факторами в условиях стадии пертурбаций общественного сознания привели к развалу Советского Союза.

Далее, необходимо также отметить, что указанный выше в 1-ом пункте, крах «советского марксизма» предвещался ослаблением идеологического «прессинга» в советском государстве в последние годы, предшествовавшие развалу, что неминуемо способствовало росту внимания к прежде запрещенным или отведенным к разряду «реакционных», в том числе, философско-идеологическим концепциям, возвратившимся из небытия времени. Впоследствии же неудачное «реформирование» вначале советской системы, а затем (после развала СССР) России, способствовавшее образованию «идеологического вакуума», дало толчок процессу поиска альтернативных путей его «заполнения». То есть, определенные интеллектуальные круги, в

¹² О Евразии и евразийцах (библиографический указатель), Петрозаводск, 2000 г.
<http://www.petrso.ru/Structure/Library/ukas/evr.rtf>

¹³ О Евразии и евразийцах (библиографический указатель), Петрозаводск, 2000 г.
<http://www.petrso.ru/Structure/Library/ukas/evr.rtf>

первую очередь в России, осознали нецелесообразность и бесперспективность абсолютного «копирования» западных цивилизационных образцов без учета автохтонных особенностей и проведения стратегии «догоняющего развития». Таким образом, в научной среде в пределах бывшего СССР возрождение интереса к евразийству началось именно со второй половины 80-х – начала 90-х годов прошедшего века. Как отмечает И. А. Тугаринов, «первыми заговорили о евразийстве <...> политологи-прогнозисты. Евразийские мотивы постоянно звучали на заседаниях клуба «Постперестройка» С. Е. Кургиняна, начиная, по крайней мере, с 1988 года в связи с предсказаниями о распаде страны»¹⁴. Большое внимание евразийской тематике в указанный период уделяла газета «День», причем специфическим «мистическим» оттенком, как отмечает ряд исследователей, отличались работы А. Г. Дугина (впоследствии лидера партии «Евразия» и основоположника одного из современных течений евразийства), «публиковавшего и раньше работы, расширяющие славянско-туранские корни евразийства до древних Ариев и Гипербореи»¹⁵.

Цитировавшийся выше И. А. Тугаринов отмечает, что «период перестройки и гласности позволил начать серьезное обсуждение проблем евразийства. В 1989 году появилась статья С. С. Хоружего о Л. П. Карсавине в журнале «Вопросы философии»¹⁶, работы И. А. Исаева¹⁷. О. С. Широков организовал серию публикаций материалов евразийцев в Вестнике МГУ (филология) начиная с 1990 года¹⁸. В Институте философии в 1990 году прошла конференция по евразийству, организованная А. В. Соболевым. Проблемы евразийства обсуждались на Конгрессе соотечественников в Москве в <...>

¹⁴ Тугаринов И. А. Евразийство в круге нашего внимания. <http://itugarinov.chat.ru/evraz1.html>

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Хоружий С. Карсавин и де Местр. Вопросы философии, 1989 г., №3

¹⁷ См.: Исаев И. А. Геополитические аспекты тотальности: евразийство. Тоталитаризм как исторический феномен, М., 1989 г., с. 203-222; Исаев И. А. Идеи культуры и государственности в трактовке евразийства. Проблемы правовой и политической идеологии, М., 1989 г., с. 6-36

¹⁸ См.: Трубецкой Н. С. К украинской проблеме. Вестник МГУ, серия 9 (филология), 1990 г., №4, с. 64-79; Дорошенко Д. И. К украинской проблеме. По поводу статьи кн. Н. С. Трубецкого. Вестник МГУ, 1990 г., серия 9 (филология), №5, с. 55-77; Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре Вестник МГУ, серия 9 (филология), 1990 г., №6, с. 60-80; Трубецкой Н. С. Предисловие к сборнику Исход к Востоку. Об истинном и ложном национализме. Верхи и низы русской культуры (этническая основа русской культуры). Вестник МГУ, серия 9 (филология), 1991 г., №1, с. 74-98; Трубецкой Н. С. Религия Индии и христианство. Вестник МГУ, серия 9 (филология), 1991 г., №2, с. 23-45; Сувчинский П. П. Типы творчества (Памяти А. Блока). Вестник МГУ, серия 9 (филология), 1991 г., №3, с. 53-68; И. Р. [Н. С. Трубецкой]. Наследие Чингисхана (взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока). Вестник МГУ, серия 9 (филология), 1991 г., №4 с. 33-78; Николай Сергеевич Трубецкой (к 100-летию со дня рождения). Вестник МГУ, серия 9 (филология), 1990 г., №3, с. 3-9

августе 1991 года. В конце этого же года Комиссия СССР по делам ЮНЕСКО также провела конференцию по евразийству [См.: Евразийская идея: вчера, сегодня, завтра (из материалов конференции, состоявшейся в Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО). Участники: С. Аверинцев, А. Чубарьян, П. Палиевский, И. Просвирин, Г. Померанц, И. Роднянская, В. Иванов, В. Лакшин, Р. Гальцева, С. Земляной, А. Черкизов, Д. Пюрвеев, Р. Отунбаева). Иностранная литература, 1991 г., №12, с. 213- 227]. В Институте восточных языков МГУ весной 1992 года прошел научный симпозиум по евразийству¹⁹, осенью 1992 года прошли Карсавинские чтения в Санкт-Петербурге. В феврале 1993 года Аналитический Центр РАН по проблемам социально-экономического и научно-технического развития провел конференцию «Биосферная теория и евразийство, общие истоки», посвященную памяти В. И. и Г. В. Вернадских. Именно в указанный период появляются первые статьи и публикации и в более популярных изданиях: в 1989 году - статья С. Хоружего о Л. П. Карсавине в «Литературной газете»²⁰; в 1990 года - диалог Л. Н. Гумилева, А. М. Панченко и К. П. Иванова в «Литературной учебе»²¹, в январе 1991 года - статья и публикации А. В. Соболева в «Новом мире»²².

Как мы видим, ренессанс евразийства, явившийся своего рода реакцией на широкомасштабное насаждение алломорфозных моделей развития в различных сферах жизни в пределах евразийской эйкумены, вполне объясним.

Вслед за анализом обстоятельств, обусловивших рассмотренное выше «возрождение» на рубеже веков, было бы целесообразным отдельно коснуться различных направлений в неоевразийстве.

Существует несколько различных, хотя во многом схожих, взглядов относительно подразделения современной интерпретации рассматриваемой в настоящей работе доктрины на те или иные разновидности. В целом, с учетом широкого спектра различных подходов к указанному вопросу, мы могли бы условно выделить следующие направления в неоевразийстве:

¹⁹ Тугаринов И. А. Евразийство в круге нашего внимания. <http://itugarinov.chat.ru/evraz1.html>

²⁰ См.: Хоружий С. Лев Платонович Карсавин. Литературная газета, №8, 22.02.89 г.

²¹ См.: Славянские ль ручки сольются в Русском море (беседа Л. Н. Гумилева, А. М. Панченко, К. П. Иванова). Литературная учеба, 1990 г., №6. с. 69-79

²² См.: Соболев А. В. Полюса евразийства. Л. П. Карсавин (1882-1952), Г. В. Фроловский (1893-1979). Новый мир, 1992 г., №1, стр. 180-182

- 1) синтетическая концепция неоевразийства А. Дугина;
- 2) «академическое» неоевразийство:
 - (i) цивилизационно-историческая школа (А. Панарин, Б. Ерасов);
 - (ii) культурная школа (Э. Баграмов);
- 3) панисламистское направление (Г. Джемаль, М. Шаймиев);
- 4) пантюркистское направление (Н. Назарбаев, О. Сулейменов);
- 5) антисоветская модель Евразийской Конфедерации академика А. Сахарова.

Попытаемся рассмотреть указанные выше концепции в отдельности.

Указанное направление, возглавляемое А. Дугиным, в настоящее время, благодаря хорошей организационно-финансовой поддержке, созданию партии «Евразия» под руководством последнего и ее активной деятельности представляет собой наиболее известный вариант неоевразийства. Именно благодаря указанным выше фактам неоевразийство а la А. Дугин у многих ассоциируется с собственно классическим евразийством.

Данное течение представляет собой достаточно четко изложенную геополитическую концепцию, рассматривающую мировые процессы, базируясь на дихотомии по линии «талласокартия - теллуракратия». В свою очередь, культурно-философские аспекты дугинского неоевразийства, по мнению некоторых исследователей, более спорны. Так, Э. Зибницкий, характеризуя синтетическую теорию А. Дугина словами А. Лосева о том, что «все на свете живет противоречием»²³, отмечает: «эkleктичность и парадоксальность неоевразийского национал-большевизма была с самого начала осознана как базовый принцип проекта (синтетической концепции неоевразийства – прим. автора)»²⁴. Ч. Кловер, касаясь особенностей рассматриваемого течения, следующим образом высказался относительно последнего: «в искусных руках его идеологов евразийство (имеется в виду неоевразийская концепция А. Дугина – прим. автора) преуспело в примирении зачастую противоречащих философий коммунизма, религиозной ортодоксии и националистического

²³ Цит. по: Зибницкий Э. Неоевразийство и вера отцов, <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/ideas/contrdugin.htm>

²⁴ Зибницкий Э. Неоевразийство и вера отцов, <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/ideas/contrdugin.htm>

фундаментализма... Оно стало философией – прикрытием, вбирающим все радикальное в кипящем котле постсоветской политической мысли... надуманный «третий путь»²⁵.

Как указывает упоминавшийся уже Э. Зибницкий, «следуя принципу плюрализма, стихийного взаимообогащения и синтеза, с самого начала в неоевразийский проект были вовлечены различные традиции. В фундамент антиглобалистской идеологии Дугин закладывает классических евразийцев, русскую старообрядческую традицию, опыт революции и национального социализма в России, богоискательство Серебряного века, а также западное контр-либеральное направление: Ницше, Юлиуса Эволю с его «языческим империализмом», Рене Генона, Германа Вирта, пропагандирующего древнегерманскую традицию. В стратегические союзники привлекается и консервативный иудаизм и «континентальный» ислам мистических направлений»²⁶. По мнению французской исследовательницы М. Ларюэль, основными идейными «столпами» синкретической концепции неоевразийства являются «...и яркий антиамериканизм, и апелляция к западным «новым правам» и геополитикам Третьего рейха, и традиционный русский мессианизм, и спиритуалистские и оккультские раздумья»²⁷. Вообще, следует признать, что «обвинения» в евразийском «экспансионизме», выдвигаемые против Дугина его «прозападными» оппонентами, в какой-то мере не лишены оснований. Подобную черту дугинской концепции отмечает, в частности, А. Цыганков, указывая, что, несмотря на совпадение антизападных убеждений А. Дугина с таковыми у Г. Зюганова и Н. Нартова, «он не разделяет их основного положения о цивилизации как пространственной единице, пребывающей в состоянии геополитического, экономического и культурного постоянства. По его мнению, тот факт, что Россия расположена между Западом и Востоком подразумевает необходимость расширения тех границ, которые цивилиционисты рассматривают в качестве традиционных или исторических

²⁵ Кловер Ч. Мечты о евразийском Heartland. Возрождение геополитики. Завтра, 27.04.99 г.

²⁶ Зибницкий Э. Неоевразийство и вера отцов, <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/ideas/contrdugin.htm>

²⁷ Ларюэль М. Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология. Вестник Евразии, №1, 2000 г.

границ России»²⁸. В качестве подтверждения можно привести следующее высказывание самого А. Дугина: «Существование русского народа как органической исторической общности немыслимо без имперостроительного, континентального созидания. Русские останутся народом только в рамках Новой Империи. <...> Новая Империя должна быть евразийской, великоконтинентальной, а в перспективе – Мировой»²⁹.

В целом, синтетическую концепцию неоевразийства можно было бы назвать политическим или, если угодно, эмпирическим, неоевразийством, достаточно четко ориентированным на достижение «земных» целей. В пользу данного предположения об «осязаемости» рассматриваемого неоевразийского направления говорит и активность его лидера, А. Дугина в деле создания вначале евразийского движения, а впоследствии партии «Евразия».

Переходя к представителям цивилизационно-исторической школы, так называемого, академического неоевразийства, хотелось бы отметить, что указанные представители в отличие от рассмотренного выше А. Дугина «делают упор не столько на практическую политику, геополитику или идеологию, сколько на обоснование социо-культурной и исторической самобытности Российской государственности, исходя из принципов «полицентричности» и «многополярности»³⁰.

Можно сказать, что в отличие от вторых первые выступают больше с политологическо-теоретических позиций, нежели политико-эмпирических. Как отмечает ряд исследователей, указанное «академическое» неоевразийство, в частности, в лице профессора А. Панарина, несет в себе элементы «просвещенческой парадигмы (отрицаемой в евразийской ортодоксии)»³¹ и «эволюционирует в сторону радикализации антизападных, антилиберальных, антиглобалистских позиций»³². По мнению цитировавшейся выше М. Ларюэль,

²⁸ Tsygankov A. Mastering space in Eurasia: Russian geopolitical thinking after the Soviet break-up (review essay). *Communist and Post-Communist Studies*. 2003, Vol. 35, No. 1. <http://bss.sfsu.edu/tsygankov/Research/RusEurasPap.htm>

²⁹ Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: Арктогея-центр, 2000 г., с. 213

³⁰ Гавриш Г. Б. Философия неоевразийства в контексте парадигм «пространства» и «времени». Ростов-на-Дону, 2001 г., http://arctogaia-kavkaz.virtualave.net/arcto/files/eurasia_t_p.htm

³¹ Основы евразийства, М.: Арктогея-Центр, 2002 г., с. 91

³² Там же.

данное направление «пытается защитить понятие «империи», доказать, что империя не является ни узким национализмом, ни агрессивным империализмом, а особой формой «государственности», которая покоится на ценностях и принципах, а не на культуре нации, и потому реализует в политическом плане национальное многообразие Евразии»³³.

Представители культурной школы цивилизационно-исторической концепции неоевразийства во главе с Э. Баграмовым объединяются под эгидой журнала «Евразия». Данное направление основной упор делает на культуру и фольклор, касаясь таких вопросов, как «славяно-тюркское смешение и славяно-тюркский союз, реабилитация Монгольской империи и тюрко-мусульманских меньшинств в русской истории, сопоставление православной религиозности с суфийским мистицизмом»³⁴.

Учитывая, что специфической особенностью неоевразийства в целом является своеобразное «обращение» к Исламу, появление подобного панисламского течения не случайно, тем более в эпоху своеобразного глобального «возрождения» Ислама, явившегося реактивным эффектом - проявлением репульсии атлантистской глобализационной модели. Кстати, сам факт появления подобного панисламистского евразийского направления свидетельствует об определенных существенных различиях между «ортодоксальным» евразийством и его современными течениями. В качестве подтверждения отсутствия подобных «реверансов» в сторону Ислама со стороны классического евразийства можно привести следующие весьма спорные строки из работы Н. Трубецкого, судя по всему опиравшегося в своих умозаключениях на соответствующие переводы Крачковского: «Когда мы читаем Коран с целью найти в нем удовлетворение своим религиозным запросам, мы испытываем разочарование. Догматика ислама оказывается бедной, плоской и банальной, мораль грубой и элементарной, и стать ортодоксальным мусульманином никто из нас не может»³⁵. Сегодняшние же

³³ Ларюэль М. Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология. Вестник Евразии, №1, 2000 г.

³⁴ Ларюэль М. Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология. Вестник Евразии, №1, 2000 г.

³⁵ Трубецкой Н. Религии и христианство. На путях. Утверждение евразийцев. Прага, 1922 г.

«концептуальные метаморфозы» свидетельствуют о том, неоевразийство является собой достаточно «прагматичную» доктрину, учитывающую силу и роль Ислама на сегодняшний день в качестве *не-западной* цивилизационной парадигмы. Отсюда ряд исследователей заключает, что неоевразийство стремится к «установлению русско-исламского альянса против Запада»³⁶. Несущей конструкцией панисламистского неоевразийства является тезис о том, что «тюрко-мусульманские народы – единственные, кто действительно воплощает собой Евразию и составляет ее стержень»³⁷. Русский же народ в данном контексте рассматривается сторонниками указанного направления как «элемент исключительно европейский, чуждый Евразии, а Россия – уже не как великая держава, а лишь как наиболее отсталая часть Европы»³⁸. В числе «активистов» панисламистского неоевразийства можно упомянуть имена Г. Джемалья, М. Шаймиева, А. В. Ниязова. При этом, следует признать, что все указанные лица не являются собой представителей «монолитного учения», но имеют порою отличающиеся друг от друга подходы. В частности, известный российский философ Г. Джемаль на заре возрождения евразийства разделял взгляды А. Дугина – лидера синтетической концепции неоевразийства³⁹. Позднее он же, как отмечают отдельные исследователи, выступил с критикой «евразийства» с позиций радикального исламизма⁴⁰.

С позиций, близких панисламистскому неоевразийству (то есть, как бы редуцируя «славянско-православный фактор» в Евразии) выступает и пантюркистское направление. Как мы знаем, в классическом евразийстве «тюрко-мусульманские народы были лишь предметом ориенталистского дискурса»⁴¹.

Сегодня, по прошествии эпохи «парада суверенитетов», в условиях активизации «исламского фактора», а также с учетом в какой-то степени все еще продолжающегося процесса «национального самосознания» этнических

³⁶ Масанов Н., Чеботарев А. Политические аспекты евразийства. Центральная Азия и Кавказ, http://www.cas.org/journal/cac07_2000/18.masanov.shtml

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Основы евразийства, М.: Арктогея-Центр, 2002 г., с. 88

⁴⁰ Там же, с. 92

⁴¹ Ларюэль М. Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология. Вестник Евразии, №1, 2000 г.

составляющих бывшего СССР, ситуация складывается иным образом и представители тюркского этноса, также как и этнические группы, исповедующие Ислам (в основном, в пределах евразийской эйкумены к указанным группам относятся представители именно тюркского этноса) все более претендуют на свою собственную особую евразийскую идентичность и даже своего рода евразийское «цивилизационное верховенство». Можно сказать, что самым ярким представителем пантюркистского неоевразийства является президент Казахстана Н. Назарбаев, выступивший с собственной неоевразийской интеграционной доктриной буквально сразу после того, как прекратил свое существование Советский Союз. Как отмечает Г. Гавриш, «Назарбаев взял на вооружение и по-своему использовал национальную евразийскую традицию, сложившуюся вокруг мыслителя и поэта Олжаса Сулейменова, автора известной книги «Аз и Я», опубликованной в 1974 году, где обосновывалась ведущая роль тюркского мира в древней русской истории»⁴² и именно последнее обстоятельство, как отмечает исследователь, стало определяющим. То есть, Казахстан начал рассматриваться в качестве государства, способного под эгидой евразийства, а если быть более точным, то пантюркистского неоевразийства, консолидировать тюркские народы бывшего СССР и таким образом «решить специфически пантюркистскую задачу»⁴³. Как отмечает С. Серикбай, «евразийство Казахстана и России – это две стороны одной проблемы, суть которой заключается в длительном неравноправном совместном сосуществовании»⁴⁴. Характерной чертой назарбаевского пантюркистского неоевразийства является его прагматизм, используя который предпринимается попытка «преодолеть последствия распада СССР посредством многосторонней экономической, а затем и политической интеграции постсоветского пространства»⁴⁵.

⁴² Гавриш Г. Б. Философия неоевразийства в контексте парадигм «пространства» и «времени». Ростов-на-Дону, 2001 г., http://arctogaia-kavkaz.virtualave.net/arcto/files/eurasia_t_p.htm

⁴³ Там же.

⁴⁴ Серикбай С. Евразийство и Казахстан. Навигатор, 5 августа 2002 г., www.navigator.kz/articles/tribune050802a.shtml

⁴⁵ Ларюэль М. Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология. Вестник Евразии, №1, 2000 г.

В период существования Советского Союза указанная доктрина предполагала создание Евразийского Союза вместо Союза ССР. Сегодня данная модель неоевразийства не имеет «своего актуального субъекта-носителя, так как изначально разрабатывалась с одной единственной целью – добиться смены формы государственного устройства в «тоталитарном» СССР («концлагере народов»), посредством обсуждения альтернативных государственных схем. Поэтому проект Сахарова должен рассматриваться, скорее, ретроспективно и не включаться в современное понятие «неоевразийства»⁴⁶.

Подытоживая изложенное, мы можем выделить следующие основные черты современных концепций евразийства:

1) Вслед за классиками евразийства неоевразийцы понимают «евразийскую цивилизацию» не как некий синкретичный феномен, состоящий из нагромождения элементов западного и восточного (в основном, тюркско-степного) «культурных ареалов», но как ядро (месторазвитие), как некий монолитный культурно-географический комплекс, в котором политэтничность и поликонфессиональность олицетворяют собой «цветущую сложность», единство в многообразии, в то же время не лишая рассматриваемую Евразию цивилизационной цельности.

2) «Неоевразийцы выдвигают теорию существования двух Востоков: внешнего, на который Россия должна опираться на международной арене (мусульманский мир и особенно страны Юго-Восточной Азии), и внутреннего, собственно российского Востока, в котором открывается ее неевропейская идентичность»⁴⁷.

3) Характерной чертой неоевразийства является своеобразный «исход» к Исламу, не свойственный собственно евразийству. Если последнее можно было трактовать как доктрину «православного толка», то неоевразийство практически на равных рассматривает важность исламского и православного факторов, что является проявлением его прагматичности в условиях нынешней «активизации» Ислама как философско-конфессионально-культурной

⁴⁶ Гавриш Г. Б. Философия неоевразийства в контексте парадигм «пространства» и «времени». Ростов-на-Дону, 2001 г., http://arctogaia-kavkaz.virtualave.net/arcto/files/eurasia_t_p.htm

⁴⁷ Ларюэль М. Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология. Вестник Евразии, №1, 2000 г.

доктрины, альтернативной западной. То есть, Ислам выступает уже в качестве важнейшего союзника ортодоксального христианства в пределах постсоветского пространства. В этих целях неоевразийцы постулируют даже близость между православными и мусульманами, поскольку, по их мнению, и славяне, в подавляющем большинстве являющиеся православными, как этническая группа, и мусульмане, в пределах Евразии в большинстве являющиеся представителями тюркского этноса, как единая Умма, будучи «молодыми» (первые - этнически, а вторые – конфессионально), обладают высокой пассионарностью по сравнению со «старыми» народами Европы⁴⁸. В частности, по мнению А. Панарина, будущее евразийское государство не может ограничиться православием, но должно вобрать в себя и православие, и ислам, постигнув сущность обеих религий. В данном контексте указанный выше автор даже выдвигает по своему оригинальную, но вместе с тем, на наш взгляд, в некоторой степени утопичную мысль о том, что, рожденная Библией и Кораном, идея евразийства, став монолитной, превзойдет сами священные тексты, поставив интересы государства над конфессиональными интересами, благодаря чему во имя высшей цели будут защищены православная и мусульманская культуры и обеспечено их согласие⁴⁹.

4) Следует отметить также следующий любопытный факт: географический детерминизм, на котором в значительной степени базировались евразийцы, лишь в малой степени присущ неоевразийцам. Детерминизм же неоевразийцев выступает «либо биологическим и этническим (Гумилев, Дугин), либо историческим и культурным (Панарин, Баграмов)»⁵⁰. По сути, геополитика, которой так много внимания уделяли классики евразийства, масштабно используется в неоевразийстве лишь А. Дугиным. Можно сказать, что современные «интерпретаторы» евразийства тяготеют больше к рассмотрению вопросов культурно-цивилизационного и философского характера, нежели географических аспектов. Впрочем, следует признать, что географический

⁴⁸ См.: Панарин А. С. Евразийский проект в миросистемном контексте. Восток, 1995 г., №2, с. 75

⁴⁹ См.: Панарин А. С. Россия на перепутье: расколы западничества и синтеза евразийства. Россия и мусульманский мир, 1995 г., №8

⁵⁰ Ларюэль М. Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология. Вестник Евразии, №1, 2000 г.

фактор в какой-то степени теряет свою актуальность в современную техногенную эпоху тотального антропогенного воздействия на биосферу.

5) Кроме того, в отличие от классиков современные евразийцы одновременно с диагональю «Восток-Запад» особо выделяют вертикаль «Север-Юг», поскольку именно по ней, согласно их мнению, в современном мире проходит главный водораздел, определившийся после окончания «холодной войны». Можно предположить, что подобное акцентирование на вертикали «Север-Юг» проистекает из тройственности нынешнего положения России, когда (условно) географически она находится на Севере, экономически близка Югу, а в культурном аспекте – Востоку.

6) Неоевразийцы вслед за классиками не приемлют западных цивилизационных моделей в качестве универсальных парадигм, применимых в любой гео-этно-культурно-конфессиональной «среде». Запад, как носитель собственной уникальной цивилизационной мифологемы, отталкивается, поскольку неоевразийцы, также как и отцы-основатели движения в начале 20 века, рассматривают мир не как «монолитное» человечество, но как комплекс различных этно-культурно-конфессиональных составляющих (цивилизаций, «культурных ареалов» и пр.), отношения между которыми строятся согласно гумилевскому принципу отрицательной и положительной комплиментарности.

Резюмируя, хотелось бы отметить, что неоевразийство можно назвать логическим продолжением классической евразийской доктрины в условиях современного мира. Продолжением, которое «транспонировало» концепцию начала прошлого века с учетом сегодняшних реалий. И тем не менее, на наш взгляд, представляется чрезвычайно важным учитывать в том числе и указанные выше особенности неоевразийства и его отличия от взглядов классиков движения.

Можно сказать, неоевразийство явилось своеобразным «глотком свежего воздуха» для интеллектуалов, оказавшихся на «развалинах» «советского марксизма» или, если угодно, «большевизма», перед фактом неумолимого натиска западной идеологии. Осмелимся предположить, что на сегодня именно евразийство (даже с учетом многочисленности тех или иных его

интерпретаций) являет собой в пределах постсоветской Эйкумены единственную более или менее полноценную альтернативу соответствующей западной парадигме.

Библиография

1. Исаев И. А. Геополитические аспекты тотальности: евразийство. Тоталитаризм как исторический феномен, М., 1989 г.
2. Исаев И. А. Идеи культуры и государственности в трактовке евразийства. Проблемы правовой и политической идеологии, М., 1989 г., с. 6-36
3. Кара-Мурза С. Г. Идеология и мать ее наука. М.: Алгоритм, 2002 г.
4. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000 г.
5. Ларюэль М. Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология. Вестник Евразии, №1, 2000 г.
6. Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Третья мировая (информационно-психологическая) война, М., 1999 г., с. 27-40
7. Основы евразийства, М.: Арктогея-Центр, 2002 г.
8. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991 г., с. 5-16
9. О Евразии и евразийцах (библиографический указатель), Петрозаводск, 2000 г. <http://www.petsu.ru/Structure/Library/ukas/evr.rtf>
10. Соболев А. В. Полюса евразийства. Л. П. Карсавин (1882-1952), Г. В. Фроловский (1893-1979). Новый мир, 1992 г., №1, стр. 180-182
11. Трубецкой Н. С. К украинской проблеме. Вестник МГУ, серия 9 (филология), 1990 г., №4, с. 64-79
12. Тугаринов И. А. Евразийство в круге нашего внимания. <http://itugarinov.chat.ru/evraz1.html>
13. Чаадаев П. Философические письма. Классика геополитики. XIX век, М.: Аст, 2003 г.
14. Gustave Le Bon. The Crowd. New York: The Viking Press, 1960, p. 13-18